

Сун Сяохань сжал кулаки, в его глазах мелькнуло колебание — он явно не хотел отступить.

Лу Синчжоу, стоявший на земле, скованной вечной мерзлотой, видел его нерешительность:

— Не вынуждай меня применять силу. Тебе со мной не справиться, и ты прекрасно понимаешь: в этой базе только я могу защитить Се Чжиняня. Если ты заберешь его с собой, ему придется пройти через проверки, а я могу этого избежать. Если не хочешь, чтобы Сун Чжинянь попал в руки других эвольверов, просто отдай его мне.

Его голос звучал резко и язвительно, но слова были правдой:

— Все еще не отпускаешь?

Сун Сяохань пристально смотрел на Лу Синчжоу. Тот не стал давить, лишь отступил на шаг:

— Се Чжинянь и правда жалок. Столько сил потратил, чтобы вернуться, лишь для того, чтобы вскоре погибнуть.

Взгляд Сун Сяоханя треснул, словно ледяная корка, а вокруг него поднялся непроницаемый вихрь белого инея:

— Я согласен. Ты можешь забрать Няньняня, но обещаю, что до завершения плана не отнимешь его жизнь. Он тот, кого я хочу защитить, даже если мне придется стать твоим врагом.

Разве сам он не хотел защитить Се Чжиняня?

Как сильно он когда-то обожал юношу в своих объятиях, так же сильно теперь ненавидел. Сердце Лу Синчжоу непроизвольно сжалось от спазматической боли, но, открыв рот, он произнес до пугающего спокойным тоном:

— Мне не нужно напоминать, я и сам не собираюсь его убивать.

— Надеюсь, ты сдержишь слово.

Сун Сяохань чуть разжал пальцы. Помолчав, он подавил в себе желание отступить и достал платок, чтобы протереть очки в золотой оправе, пряча за этим жестом уязвленные чувства. Он понимал: чем больше он будет опекать Се Чжиняня, тем безжалостнее Лу Синчжоу станет его истязать.

— Если с Няньнянем что-то случится, я первым с тебя спрошу.

Едва он договорил, как воздух наполнила удушающая жажда убийства. Из-под ледяной корки вырвалось пламя. Холодный пот выступил на лбу Лу Синчжоу, пропитывая пряди волос, конечности онемели, и он, не в силах сдержаться, выдавил из себя яростную усмешку:

— Капитан Сун, как всегда, преисполнен вселенской любви. Если хочешь с меня спросить, лучше бы меньше совал нос в чужие дела, а больше читал справочники по зомби-вирусу. Пошевели мозгами, чтобы положить конец апокалипсису, вместо того чтобы проедать лучшие ресурсы и не получать никаких результатов в исследованиях.

Если бы за эти тринадцать лет Лу Синчжоу хоть раз проявил слабость, он не вырастил бы из Се Чжиняня такого невыносимого эгоиста. Он видел чувства Сун Сяоханя к Се Чжиняню и, раздраженно стирая кровь, ощущал, как это раздражение исходит не из сердца, а из глубин клеточных инстинктов:

— Оставь свои мысли о Сун Чжиняне при себе. Не дай бог мне заметить что-то подобное снова — я не ручаюсь, что не отплачу злом за добро, которое ты мне когда-то сделал.

В ответ на напоминание о том, что Сун Сяохань когда-то спас его, Лу Синчжоу лишь холодно бросил:

— В Тринадцатом городе бунт.

Сун Сяохань понял намек:

— Я займусь расследованием.

Он уловил подтекст и, встретившись взглядом с Лу Синчжоу, поднял глаза:

— Но если человек совершил ошибку и не получает шанса на прощение, то в этом мире не осталось бы никого, кто не был бы грешен. Он уже понес наказание. Ты должен дать Няньняню шанс исправиться.

Стоило прозвучать этим словам, как улыбка на лице Лу Синчжоу исчезла. Его пламя принялось жечь плоть:

— Отличное предложение — дать шанс исправиться. Сун Сяохань, ты намеками обвиняешь меня в несправедливости, думаешь, Сун Чжинянь может этим расплатиться по долгам? Ты веришь, что каждый заслуживает прощения? Если бы подлый человек десять лет обманывал тебя, притворялся, а в конце изменил с другим, ты смог бы его простить? Могу лишь сказать, что у тебя огромное сердце — настолько, что ты перестал различать черное и белое.

— Ты все еще из-за того кольца?

Сун Сяохань осекся. Он глухо произнес:

— Я даже не виню его за то, что он украл мое кольцо. Мы оба знаем, что с кольцом или без, финал и путь были predetermined. Ты бы точно не полюбил меня, а я ни в грош не ставлю тебя — я никогда не буду тебя любить.

Они провели вместе три года, но между ними не было никаких чувств. Они были словно запрограммированные роботы или два торговца, использующие друг друга:

— На самом деле, в твоих глазах статус спасителя не так уж важен. Мы были вместе три года, и ты не переключился на другого. Это лишь доказывает, что ты все еще любишь его.

Лу Синчжоу, привыкший к играм в убеждение, привел мысли в порядок:

— Ты не находишь, что это смешно?

— Я не прав?

— Очень даже прав.

В глазах Лу Синчжоу вспыхнул недобрый огонь. Ему было неприятно, что его задела за живое. Ледник под ногами окрасился в багровый цвет, а ярость, бурлившая в нем, была видна невооруженным глазом:

— Но ты уже наговорился? Если бы не то кольцо, которое ты ему дал, у нас с ним не было бы будущего, он бы вообще не появился в моем мире.

Если прислушаться, в его голосе сквозила паника: без власти и статуса к Се Чжиняню могли подобраться и другие.

— Неужели действительно никакого будущего?

Сун Сяохань не упустил неловкости в глазах Лу Синчжоу:

— Три года назад это я отдал Няньняню жетон базы. Я позволил ему уйти, чтобы он спасся. Но из-за той трагедии с осадой зомби ты взвалил всю вину на него. Тогда погибли не только твои родители, у госпожи Сун случился сердечный приступ, ее не удалось спасти. Зло наказано по заслугам. А если он открыл ворота по какой-то иной причине? Столько людей точили на тебя зуб, все хотели занять место Лорда, разве этого возмездия недостаточно, чтобы покрыть долг?

Мысли Сун Сяоханя были опасными и эгоистичными: победить зло с помощью другого зла.

Мягкие люди в своей решимости бывают куда беспощаднее.

— Ты не можешь убедить собственное сердце. Если так хочешь кого-то ненавидеть, направь это на меня. Я возьму эту вину на себя.

Ложь во спасение, в которую он сам верил.

Лу Синчжоу отрезал:

— Мечтай.

Поскольку перед ним был Лу Синчжоу, представитель верхушки базы, он не собирался использовать методы обмана:

— Некоторые люди рождаются неблагодарными. Сун Сяохань, как бы ты ни был добр к Сун Чжиняню, он ревнует тебя до безумия и даже хотел нанять людей, чтобы лишить тебя способностей. Ты невероятно глуп, сам роешь себе яму.

Сун Сяохань, о чем-то задумавшись, смотрел на шрам на спине юноши:

— У Няньняня добрая натура, его просто сбили с толку.

— Вот как? Ты в этом так уверен?

Лу Синчжоу словно услышал самую нелепую шутку в мире, но вдруг тяжело вздохнул, почувствовав тоску. Он сам, казалось, был уверен в этих словах, но все же продолжал язвить:

— Беда не пришла в твой дом, вот ты и говоришь так легко. Погибли не твои родители, не твои близкие. Тебе легко рассуждать, убеждая меня отказаться от ненависти. К сожалению, ты сирота, ты не понимаешь боли от того, что своими руками убиваешь родителей.

Абсолютного сопереживания не существует. Лу Синчжоу мог убедить себя простить Се Чжиняня, но у него не было смелости убедить в этом своих родителей и выживших на базе. Словно врата ада — чуда не случилось, и призраки оживали только на страницах книг. Если бы существовала карта дорог в загробный мир, он бы непременно взял с собой Се Чжиняня, чтобы вместе предстать перед судом и принять смерть.

Сун Сяохань продолжал твердить свое:

— А если я сирота, что с того? Ты хоть пытался по-настоящему разобраться в причинах?

Спустя долгое время слова Лу Синчжоу растворились в лунном свете:

— Сколько бы ты ни говорил, это бесполезно. Моя вражда с ним непримирима. И не ищи ему оправданий.

Лу Синчжоу говорил как человек, прошедший через многое. Он подхватил Се Чжиняня на руки, сжал кулаки и зашагал прочь, растворяясь в ночи:

— Ты поймешь, что оправданий нет. Я когда-то был как ты, повсюду искал ему объяснения, но каждое разочарование учило меня одному: у Се Чжиняня нет сердца. Даже если оно есть, он любит только себя.

Он любит только себя.

Сердце Лу Синчжоу болезненно сжалось: Се Чжинянь не любит никого из них, он — законченный эгоист.

Семь часов утра.

Небо окрасилось в серые тона предрассветных сумерек. База Жунчэн после переселения обосновалась в озаренном солнцем городе Юнду. Она опиралась на источники воды и развитое земледелие. Зомби третьего уровня не смели приближаться к этому водному раю — ледяные пики, воздвигнутые вокруг, служили надежной стеной. Вилла Лу Синчжоу располагалась за источниками, где тихо расцветали цветы бегонии.

На роскошной двери виднелись сложные, изящные узоры.

— Открой.

Закончив разговор с Сун Сяоханем, Лу Синчжоу всю дорогу нес Се Чжиняня на руках. За время долгого пути на его лице пролегли следы усталости. Он толкнул дверь закрытой спальни, осторожно уложил Се Чжиняня и приказал Ли Цзяню:

— Принеси цепи и белое вино.

Цепи нужны были, чтобы связать Се Чжиняня, а цель белого вина оставалась неясной.

Ли Цзянь допытывался:

— Зачем вино?

— Для обработки ран.

Лу Синчжоу произнес это тихо, глядя на лежащего на кровати юношу. Длинные ресницы скрывали глаза, волосы разметались по подушке. Узоры на лице Се Чжиняня слегка побледнели, и он попробовал капнуть на них своей крови.

— Это не шрамы?

Он коснулся пальцами узоров на лице Се Чжиняня. В воздухе разлился слабый запах крови. После нескольких секунд тишины из глубины раздался тихий смешок, до боли знакомый и насмешливый:

— Мы с Сун Сяоханем снова попались на твою удочку. Ты просто проголодался, и это следы от голода.

— Прожорливый ребенок.

Лу Синчжоу капнул еще немного крови в рот Се Чжиняню. То, что Сун Сяохань принял за изуродованное лицо, было ложью — он просто был сыт.

В мире нет проторенных путей, но если тебя часто обманывают, ты неизбежно начнешь их прокладывать.

В свое время победа Се Чжиняня на провинциальном конкурсе ораторского искусства произвела фурор в школе. Лу Синчжоу, стоявший за кулисами в качестве организатора, издали наблюдал, как девушки окружили Се Чжиняня. В его сердце зародилось странное чувство — в его памяти Се Чжинянь всегда был в центре внимания.

Признание одного парня взорвало зал, но Се Чжинянь отказал, сказав, что не любит его. Однако улыбка его была такой ослепительной, что это лишь сильнее затягивало собеседника в сети.

Старшекурсник из баскетбольной команды, где играл Лу Синчжоу, сказал:

— Мне кажется, Сун Чжинянь хочет усидеть на двух стульях: крутит и с девчонками, и с парнями. Тот парень по фамилии Цзян на днях водил его в ресторан, а вчера они снова уединились в комнате отдыха. По-моему, они давно уже сошлись.

— Синчжоу, не стой столбом, пасуй!

Игроки махали руками:

— Бывают же у тебя моменты, когда ты не в форме. Что, экзамены завалил? Или злишься, что первокурсник Сун Чжинянь обошел тебя на литературном конкурсе?

Лу Синчжоу процедил:

— Пошел ты.

Никто не ожидал, что сдержанный отличник полезет в драку и начнет ругаться. Лу Синчжоу швырнул мяч прямо в лицо говорившему, и завязалась потасовка. В конце концов, госпожа Лу использовала свои связи, чтобы замять дело. В тот же вечер отец заставил Лу Синчжоу стоять на коленях под дождем. Он мок, терзаемый противоречиями, а небо плакало вместе с ним.

В семье Лу было строгое воспитание, они никогда не злоупотребляли властью.

Почему Се Чжинянь никогда не упоминал о нем? Почему у него самого возникли такие мысли?

Сомнения Лу Синчжоу подтвердились на следующий день.

Как только он поправился, он толкнул дверь в комнату отдыха, где часто бывал Се Чжинянь, и увидел, как солнечный свет падает на его лицо. Воротник школьной формы Се Чжиняня был расстегнут, на губах играла сладкая улыбка. Но улыбка предназначалась не ему, а другому юноше. Их дыхание смешивалось, кончики носов почти касались друг друга.

Когда их застали, парень в смущении убежал, а Се Чжинянь остался на месте:

— Брат Синчжоу? Ты ведь болел, почему пришел в школу?

Се Чжинянь не спеша поправил воротник:

— Я как раз собирался навестить тебя.

У Лу Синчжоу помутилось в голове, он прислонился к дверному косяку и прямо спросил:

— Кто он?

— Парень из третьего класса, тот, кто давно меня любит. Я упоминал о нем, закуски в моем ящике — это он приносил. — Се Чжинянь поджал губы и подошел прямо к Лу Синчжоу. — Но он не такой красивый, как ты, брат Синчжоу, он скорее милый. Прибежал в комнату отдыха, сказал, что хочет попробовать, каково это — влюбиться. Говорят, нужно встречаться с теми, кто тебя любит.

— И это причина, по которой ты выбрал его?

Лу Синчжоу помрачнел и перебил его:

— Он парень, вы не можете быть вместе.

— Ничего не поделаешь, я люблю парней.

Се Чжинянь нахмурился:

— В школе, кроме него, приличный только ты. Я знаю, что ты не любишь гомосексуалов, я не специально пришел в твою комнату отдыха. С ним я просто играю, ничего серьезного, ради новизны. В следующий раз я отведу его в другое место.

Слушая его, Лу Синчжоу едва сдерживался, в горле пересохло:

— Что делать?

Се Чжинянь закончил его мысль:

— Заниматься любовью.

Это было слияние тел, и он не хотел, чтобы его юноша был осквернен.

На лбу Лу Синчжоу выступил холодный пот, в голосе послышалась обида из-за того, что его игнорируют:

— Выбери меня.

— Синчжоу? — Се Чжинянь на мгновение запнулся.

— Выбери меня. — Лу Синчжоу не знал, когда произнес эти слова, он лишь чувствовал, как тело само толкает его к Се Чжиняню. Он в ярости прижал юношу к стене. В глазах, покрасневших от высокой температуры, читалась хрупкость: — Не будь с ним, не бросай меня. Эти дни ты не искал меня, мне было очень плохо. Выбери меня, я знаю твою жизнь лучше, чем он.

Дальнейшее стало туманным. Не дожидаясь ответа, Лу Синчжоу впился в его губы. Гормоны, которые невозможно было объяснить, взорвались посреди кампуса.

Он помнил лишь, как они целовались в комнате отдыха, поцелуи были жаркими и полными двусмысленности. Шум за окном позволял запретному чувству вырваться наружу. Лу Синчжоу не хотел останавливаться, запрокинув голову и оставляя следы поцелуев на всем теле.

Это уже не было бредом из-за температуры. Когда они стали еще ближе, чувства, подогреваемые лихорадкой, вспыхнули с новой силой.

Автор:

025: Сун Сяохань сказал, что ты просто ребенок.

Се Чжинянь: Трудный ребенок.

Огромное спасибо всем за поддержку, я буду стараться дальше!

<http://bllate.org/book/20367/2037367>